AFTER THE CRACK

ЧАСТЬ II

ПОРОГ 5

После трещины

Есть выражения, которые мы употребляем легкомысленно.

«Я чувствую себя заново рождённым».

«Я начал заново».

«Это была новая жизнь».

Обычно это метафоры.

Фигуры речи.

Изящные способы рассказать о перемене.

Потом бывают моменты, когда эти слова перестают быть символическими.

И становятся буквальными.

Долгое время я представлял жизнь как непрерывную линию.

С подъёмами и спадами.

С ускорениями и замедлениями.

С успехами и проблемами.

Но всегда та же линия.

Всегда то же путешествие.

Потом пришёл день, когда я понял, что жизнь может прерваться, даже если тело не умирает.

Может прерваться видение мира.

Личность.

Уверенность.

Замысел.

Образ себя.

И когда это случается, человек, который выходит с другой стороны, никогда не тождествен тому, кто вошёл.

Поначалу мы пытаемся сопротивляться.

Мы стараемся спасти то, что можно спасти.

Починить.

Восстановить.

Вернуться к нормальной жизни.

Это естественная реакция.

Я поступил так же.

Я хотел вернуть непрерывность.

Я хотел вновь связать то, что порвалось.

Я хотел вернуться к тому, что было прежде.

Потом я понял нечто, что трудно принять.

Прежнего больше не существовало.

И бесполезно было за ним гнаться.

Это один из самых дорогих уроков жизни.

Потому что он требует небольшого траура.

Траура по тому, кем мы были.

Мы часто говорим о людях, которых теряем.

Гораздо меньше о личностях, которые теряем.

И всё же они тоже заслуживают похорон.

Бывает момент, когда ты перестаёшь быть тем сыном, каким был.

Тем профессионалом, каким был.

Тем мужчиной, каким был.

Той женщиной, какой была.

Бывает момент, когда одна из наших версий завершает свою задачу.

И уступает место чему-то другому.

Когда я проходил через ту пору, я не заметил этого сразу.

Я думал, это кризис.

Пауза.

Случайность.

Только потом я понял, что прохожу через преображение.

Разница огромна.

Кризис — это то, чему ты желаешь конца.

Преображение — это то, что меняет тебя навсегда.

Я помню период, когда всякая уверенность словно повисла в воздухе.

Старые ответы больше не работали.

Старые инструменты казались недостаточными.

Даже некоторые цели потеряли смысл.

Это было тревожное ощущение.

Как будто идёшь по знакомой местности и обнаруживаешь, что все дороги сменили направление.

Некоторое время я пытался ориентироваться по старым картам.

Это не помогло.

Потому что изменился я сам.

Карты не были неверными.

Они устарели.

Вот что происходит в периоды больших перемен.

Проблемы возникают не только из-за того, что мир меняется.

Они возникают из-за того, что мы продолжаем истолковывать его глазами, принадлежащими прошлому.

Потом, медленно, что-то вновь выстраивается.

Это не происходит за день.

Не происходит за неделю.

Это происходит через сотни маленьких поправок.

Через новые осознания.

Новые приоритеты.

Новые вопросы.

Однажды утром ты просыпаешься и замечаешь, что смотришь на реальность иначе.

Те же вещи.

Другими глазами.

Именно тогда я начал понимать подлинный смысл возрождения.

Оно не состоит в том, чтобы снова стать молодым.

Не состоит в том, чтобы устранить боль.

Не состоит в том, чтобы стереть ошибки.

Оно состоит в том, чтобы создать новые отношения со всем, что произошло.

С ранами.

Со страхами.

С потерями.

С возможностями.

С самим временем.

Вторая жизнь рождается не из отрицания первой.

Она рождается из её интеграции.

Всё, чем ты был, продолжает существовать.

Но больше не правит настоящим.

Оно становится опытом.

Становится памятью.

Становится строительным материалом.

Многие представляют возрождение как зрелищное событие.

Я пережил его иначе.

Как медленное восстановление.

Кирпич за кирпичом.

Мысль за мыслью.

Решение за решением.

Часто в тишине.

Часто без публики.

Часто так, что никто не замечал, что происходит.

И всё же это происходило.

В глубине вещей.

Со временем я начал смотреть на других людей иначе.

Я понял, что почти все проживают больше одной жизни.

Не обязательно больше биологических существований.

Больше внутренних глав.

Больше личностей.

Больше преображений.

Мы смотрим на лицо и представляем себе непрерывность.

Но за этим лицом могут существовать пять, десять, двадцать разных версий одного и того же человека.

Все реальные.

Все выжившие.

Все необходимые.

Возможно, поэтому сострадание становится важнее с возрастом.

Потому что мы учимся уважать невидимые битвы других.

Мы понимаем, что никто не является лишь тем, кем кажется.

Каждый несёт в себе историю крушений и восстановлений.

Потерь и возрождений.

Символических смертей и новых начал.

Оглядываясь назад, я не идеализирую тот период.

Я не желаю пережить его вновь.

Он был трудным.

Запутанным.

Иногда болезненным.

Но я признаю его ценность.

Потому что из того преображения родился кто-то, кого прежде не существовало.

Кто-то более осознанный.

Более внимательный.

Более человечный.

Возможно, менее уверенный.

Но гораздо более подлинный.

И важно именно это.

В конце пути, когда я смотрю на пройденную дорогу, я вижу не одну жизнь.

Я вижу по меньшей мере две.

Первую, построенную на ожиданиях.

Вторую, построенную на понимании.

Первую, сосредоточенную на действии.

Вторую, более внимательную к бытию.

Первую, убеждённую, что знает.

Вторую, готовую слушать.

Вот почему в словах о второй жизни нет никакого преувеличения.

Это не поэтическая фраза.

Это не метафора.

Это констатация факта.

Потому что есть моменты, когда мы не просто меняем направление.

Мы меняем существование.

И когда это действительно случается, вторая жизнь — не метафора.

Это то, что остаётся после того, как первая научила всему, чему могла научить.